

0821

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Барбара Ханней

ТАК ХОЧУ БЫТЬ РЯДОМ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Барбара Ханней

Так хочу быть рядом

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Ханней Б.

Так хочу быть рядом / Б. Ханней — «Центрполиграф»,
2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08157-5

Приехав на встречу выпускников в австралийский городок Изумрудная Бухта, адвокат Грифф Флетчер не ожидал увидеть свою школьную любовь, приму-балерину Еву Хеннесси. Двадцать лет назад она покинула город под покровом ночи. Пришло время узнать, какую тайну она скрывала все эти годы...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08157-5

© Ханней Б., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Барбара Ханней

Так хочу быть рядом

Reunited by a Baby Bombshell

© 2017 by Barbara Hannay

«Так хочу быть рядом»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

Когда пришло приглашение, Ева Хеннеси находилась в Праге, танцевала партию Одетты в «Лебедином озере», а по возвращении в Париж обнаружила, что ее почтовый ящик забит до отказа счетами за услуги и журналами по танцам. Она поднялась на дребезжащем старом лифте в свою квартиру на пятом этаже. Ей в глаза бросилась яркая солнечная австралийская марка. Потом она прочитала почтовый штемпель.

«Изумрудная бухта».

Ева задохнулась от резкой боли в груди. Это была тоска по дому. Чувства к пляжному городу, где она выросла, намного сложнее. Последние годы она редко позволяла себе копаться в горько-сладких воспоминаниях.

Всякий раз думая о Гриффине Флетчере, она прилагала немалые усилия, чтобы оставить ту жизнь позади. Ей пришлось.

Сегодня, прислушиваясь к гулу парижских улиц, она вошла в квартиру, ставшую ей домом на протяжении последних десяти лет. Ева влюбилась в это место с первого же дня, едва увидела его. Консьержка Нанетта уже включила отопление, и квартира выглядела гостеприимной и теплой.

Оформленная просто и непритязательно, в кремовых оттенках со случайными штрихами синего цвета, квартира выделялась главной жилой зоной, большую часть которой занимала стена с окнами, откуда открывался вид на черепичные крыши, дымоходы и церковные шпили до самой верхушки Эйфелевой башни. Ночью башня сверкала яркими огнями. Словом, зрелище, от которого Ева никогда не уставала.

Остановившись на мгновение, она улыбнулась и оглядела детали интерьера, которые тщательно собирала на протяжении многих лет. Красивые подушечки, которые привезла с собой с гастролей, коллекция синей и белой керамики со всей Европы, глубокая миска, полная ракушек и камней, привезенных с пляжей Греции и Италии, Испании и Великобритании. Столько счастливых воспоминаний, и такой контраст с печальным прошлым.

Она поставила на пол чемоданы, бросила конверт из Австралии на журнальный столик вместе с остальной почтой, прошествовала в ванную комнату и приняла горячий душ, массируя под напором воды ноющее бедро.

Потом вымыла и высушила волосы полотенцем, позволив темным прядям струиться по плечам. Переделалась в спортивные штаны и широкую футболку.

Скоро она приготовит ужин. Простого омлета с травами вполне достаточно. Но сначала бокал вина. Удовольствие, которое Ева могла позволить себе теперь, поскольку очередные гастроли в поддержку нового спектакля подошли к концу.

Завалившись на диван с бокалом вина и подушкой для поддержки больного бедра, она наконец достала конверт из Австралии. Из него выпала открытка с изображением пляжа Квинсленда.

Под снимком было небольшое послание. Собственно, приглашение на встречу одноклассников в честь двадцатилетия окончания школы.

Ева почувствовала дурноту, ознакомившись с подробностями.

Где: Гольф-клуб Изумрудной бухты.

Когда: Суббота, 20 октября.

Простая формулировка поразила ее, как удар в солнечное сплетение. На нее нахлынула тысяча давно подавленных воспоминаний. Пляж и острые ощущения от катания на волнах. Гладкий ствол пальмы за спиной, когда, сидя на песке, она ела соленую рыбу с хрустящей картошкой, завернутую в бумагу. Запах солнцезащитного крема и цитронеллы.

Ева мысленно вернулась в жаркие летние дни в школьных кабинетах с широко открытыми окнами, откуда до учеников доносился морской бриз. А потом, несмотря на все усилия, вспомнила о Гриффине Флетчере.

Грифф, сидящий позади нее в классе, лохматый и широкоплечий. Ловит ее взгляд.

Грифф на футбольном поле. Обтянутые спортивной формой мускулистые бедра напрягаются, когда он забивает гол.

Грифф обнимает ее в темноте. Удивительная нежность его губ.

И вспышка. Между этими сладкими воспоминаниями, страхом и горечью ее страшная тайна. Горечь и боль.

Достаточно. Ева сразу поняла, какой должен быть ответ. Конечно, она не поедет. Хотя и глубоко сожалеет, но принять любезное приглашение не сможет. Она очень благодарна старым школьным друзьям, которые по-прежнему ее помнят, но, ничего не поделаешь, слишком плотное расписание.

И она не кривит душой. Скоро ей предстоит танцевать в «Щелкунчике». В связи с этим откуда возьмется свободное время. Тем не менее почему-то так хочется вернуться в бухту! Ее мать больше там не живет. Прошло много лет с тех пор, как та вышла замуж и поселилась в Кэрнсе на севере штата. Что касается одноклассников, Еве пришлось оставить их в прошлом.

Вместо этого она работала, как проклятая, и все ради карьеры ее мечты. Плакаты Евы Хеннесси в роли Жизель, Золушки или Джульетты теперь украшают стены почти каждого театра или вокзала в Европе.

После долгих лет напряженной работы это стало наградой. Критики в своих обзорах восторгались ее техникой и грацией. Куда бы она ни поехала, зрители кричали: «Браво!» и вызывали на бис. Ее грим-уборные всегда заставлены пышными букетами.

Мир Евы изменился, перестал походить на жизнь, которую она вела в сонном приморском городе своей юности. Теперь она словно обитала на другой планете.

Вкладывая открытку обратно в конверт, Ева убедила себя, что поступает правильно. Утром она напишет, что не может приехать, и забудет об Изумрудной бухте.

Пчелы с жужжанием летали вокруг живой изгороди. Маленькие дети смеялись и визжали, плескаясь в плавательном бассейне под надзором матерей, болтающих голыми ногами в воде и потягивающих коктейли через соломинку. Запах жареного лука смешивался с морским бризом. Типичный воскресный день в пригородном Брисбене.

В этот воскресный день Грифф Флетчер принимал у себя гостей – школьных друзей и их семьи. Он недавно гостил у них, и вот сейчас пригласил приятелей к себе. Его подруга Аманда уехала в Сидней по делам. Логично. Она не знала этих людей столько лет, сколько знал их он. К тому же она явно не вписывалась в их компанию, будучи намного моложе их жен, а детей недолюбливала.

Грифф выложил стейки на раскаленную решетку для барбекю, друзья взяли себе по бутылочке холодного пива.

– Итак, что вы думаете о встрече выпускников? – спросил Тим, который, как и Грифф, перебрался из Изумрудной бухты в столицу Квинсленда. – Поедешь, Грифф?

Он пожал плечами, понимая, что Тим и Барни обязательно упомянут предстоящее мероприятие, но ему все равно.

– Наверное, нет.

Тим явно огорчился:

– Неужели тебе не хочется повидать старых друзей? Узнать, как дела у наших?

Грифф не сдержал кривой ухмылки:

– Вас обоих я вижу достаточно часто.

Барни неловко улыбнулся, Тим нахмурился и отпил пива. Грифф тоже нахмурился, переворачивая стейки. Он знал, что кто-нибудь из друзей вернется к этой теме.

Тим покачал головой:

– Я знаю, ты прекрасный адвокат, Грифф, но я не думал, что такой сноб.

Грифф еще раз пожал плечами, переворачивая приготовленные для детей колбаски.

– Просто не вижу смысла ворошить прошлое. Вы ведь знаете, как проходят встречи выпускников. Единственные, кто на них приходят, – те, кто добились успехов, или те, кто обзавелись кучей потомков. И прямо-таки пышут самодовольством, сплетничая о тех, кто не приехал.

– Это немного грубо, – жестко заметил Тим.

– Я вовсе не имел в виду тебя, приятель.

Тима это не устроило.

– Ты когда-нибудь был на встрече выпускников?

– Нет, но легко могу себе представить.

– А я был, – отрезал Барни. – Мои родители по-прежнему живут в бухте, поэтому я бываю там довольно часто и приезжал на десятилетний юбилей. – Он выглядел немного воинственно. – Было здорово снова встретиться со всеми. Даже через десять лет. Некоторые действительно изменились, иные остались точь-в-точь такими же, как раньше. Но разницы я не ощутил. Мы посмеялись, поболтали о прошлом. Было интересно услышать, кто чем сейчас занимается.

– Вот видишь! – крикнул Тим с победной усмешкой.

Грифф снова пожал плечами и с помощью лопаточки передвинул дальше от огня луковые колечки, потом повернулся, чтобы позвать женщин.

– Стейки почти готовы.

– Ясно, – отозвалась жена Тима Кайли. – Ну что ж, пора раздать детям полотенца.

Тем временем Тим подошел к Гриффу ближе и тихо пробормотал:

– Ева Хеннесси вряд ли приедет.

Грифф застыл. Его злило то, что простое упоминание о Еве до сих пор вызывает такую сильную реакцию. На самом деле какая разница, столкнется ли он с девушкой, которую знал миллион лет назад?

Очень странная у него реакция. Да, конечно, Ева была его первой девушкой, но ему, в конце концов, пришлось смириться с тем, что она внезапно покинула город. Нельзя сказать, что он собирался жениться на ней сразу после выпускного и поселиться в бухте. У него были большие планы на будущее.

Он окончил университет и сделал карьеру. Последние два десятилетия у него случилось множество связей с гламурными, красивыми, страстными женщинами. И он давно похоронил в себе чувства к Еве. Ну и к чему ворошить прошлое?

– Конечно, ее там не будет. – Он был доволен тем, насколько уверенно высказался.

К этой уверенности примешивалось небрежное пожимание плечами, так, для пушного эффекта, но Грифф не стал развивать мысль, мелькнувшую в голове.

Ева Хеннесси слишком занята и знаменита во всем мире, чтобы вернуться ради столь пустякового, не важного события.

– Ну а Барни сказал, что придет, так ведь, Барнс, – уточнил Тим у приятеля, который доставал надувной шар, вылетевший из бассейна.

Барни показал большой палец.

– И я считаю, нам троим будет здорово вернуться в бухту, – не унимался Тим. – Три мушкетера. Как в старые добрые времена.

Грифф собирался было ответить отрицательно, но Тим остановил его:

– Подумай, друг. Мы могли бы побывать в пабе на пляже, поймать волну, заняться подводным плаванием и понырять на рифе.

– Ну да.

В школьные времена их компания веселилась от души, наслаждаясь всеми удовольствиями, которые только могут найти подростки в маленьком городке.

Семья Гриффа вернулась в Брисбен, едва он окончил школу. Он с трудом мог припомнить, когда последний раз надевал маску и ласты, чтобы погрузиться в подводный мир кораллов и рыб.

А ведь было время, когда он жил и дышал дайвингом и занимался серфингом. В подростковом возрасте по полдня проводил на пляже, в море. И каждую ночь, лежа в постели, слушал, как бьется о песок прибой. Ритм моря был ему знаком так же, как биение собственного сердца.

А теперь он почти не плавал. Разве что иногда занимался греблей на реке Брисбен, ровной и неподвижной.

А вот море совсем другое. И город, где он вырос, тоже особенный.

Более того, он любил школьных друзей. Правда, Аманда относилась к ним с подозрением, впрочем, неудивительно с ее-то склонностью к заносчивости. Она предпочитала общаться с другими адвокатами и их супругами. Зато Грифф понимал, что друзья не дадут ему зазнаться. Тим работает в банке, Барни – электрик. Они обеспечивают надежный противовес напыщенным судьям и чиновникам, которыми кишит рабочая жизнь Гриффа.

И он не позволит воспоминаниям об одной хрупкой темноволосой девушке с изумительными синими глазами лишить его шанса вернуться в счастливое прошлое, снова обрести дух бывшего товарищества.

– Я подумаю об этом, – осторожно пообещал он.

И был вознагражден восторженным хлопком по спине.

Ева в ужасе уставилась на доктора. В голове эхом звучали два слова. Сродни похоронному колоколу.

«Замена бедренного сустава, замена бедренного сустава».

Хуже не придумать. Она отказывалась это принимать. Не хотела верить.

Несколькими днями ранее на репетиции «Щелкунчика» Ева неловко приземлилась после выполнения шпагата в воздухе, очень сложного движения. Разумеется, она совершала этот прыжок тысячи раз, но вот на этот раз, когда приземлилась обеими ногами на пол, боль в бедре стала невыносимой.

И с тех пор самочувствие не улучшилось. Она старалась не посещать репетиции, ссылаясь на сильную простуду, чего за ней никогда раньше не водилось. Обычно Ева танцевала несмотря ни на что. На сломанных пальцах ног, при простуде и гриппе, даже несколько недель подряд выступала с порванной связкой в плече.

Стоицизм – необычное качество в балетных кругах. Такова культура. О травмах нужно молчать. Каждый танцовщик приходил в ужас оттого, что его могут заклеить «хрупким». Все всё понимают, поскольку это означает конец карьеры.

Однако на этот раз Еве было слишком сложно скрывать боль. Даже если могла вытерпеть занятия и репетиции, к тому времени, когда возвращалась домой, она едва могла ходить. Поэтому и записалась на прием к остеопату. И вот теперь, к ее ужасу, доктор показал тревожные результаты МРТ.

Она никогда даже не представляла, что итог окажется таким ужасным.

– Вы разорвали кольцо волокнистого хряща, – торжественно объявил доктор, указывая на снимок. – Оно обхватывает ваш левый тазобедренный сустав. Обычно кольцо поглощает удар, но, – он покачал головой, – появились и другие дегенеративные изменения. – Он указал на снимок. – Обширное артритическое воспаление всего сустава.

Артрит? Ева обомлела. Разве это не болезнь пожилых людей?

– Я настоятельно рекомендую полную замену тазобедренного сустава. Иначе, – доктор раздраженно вздохнул, – я не вижу, как вы можете этого избежать.

На странице, вырванной из блокнота, он написал имена двух консультантов-ортопедов и травматологов и передал Еве.

Ее лоб покрылся потом. Замена тазобедренного сустава равносильна смерти. Перспектива наполнила ее таким отчаянием, что она едва не разразилась слезами.

«Это будет концом моей карьеры», – подумала Ева.

– А больше ничего нельзя попробовать? – спросила она в отчаянии. – Помимо операции?

Доктор пожал плечами:

– Мы можем поговорить о физиотерапии, обезболивающих и диете. И покое, – добавил он, мрачно глядя на нее. – Но думаю, боль по-прежнему будет слишком острой, конечно, если вы хотите продолжать танцевать. Балет требует неестественных движений.

Конечно, Ева и сама это знала. Она провела целую жизнь, совершенствуя сложные движения, которые большинство людей даже не пробовали. Пируэты, прыжки, вращения на пуантах сказывались на суставах, а ведь она всего лишь человек. Ей почти сорок лет, и у тела есть предел. Но она не могла отказаться от танцев.

Нет, только не это! Она слишком много работала, слишком многим пожертвовала и, несомненно, знала, что карьера не может продолжаться вечно, но надеялась по крайней мере еще лет на пять.

Танцы стали ее жизнью. Без них она исчезнет, полностью потеряет свою личность.

Остеопат смотрел на нее с некоторым нетерпением. У него больше не нашлось рекомендаций.

В оцепенении Ева встала со стула, поблагодарила врача и попрощалась. Закрыв за собой дверь, она прошла через приемную, стараясь не хромать, доказать себе, что доктор, должно быть, ошибается. Но даже ходьба причиняла боль.

Стеклянные двери вели в длинный пустой коридор. Что она может теперь сделать?

Ева попыталась мыслить ясно. Если она согласится на операцию, скорее всего, балетная труппа захочет ее вернуть. Конечно, не в качестве прима-балерины, она не могла примириться с мыслью, что придется вернуться в ряды обычных балерин.

Хуже всего то, что эту проблему нельзя обсуждать с коллегами. Она не хотела, чтобы кто-нибудь в мире танца узнал о ее недуге. Новости распространяются, как лесной пожар. Эта появится в прессе уже к обеду. А к вечеру ее карьера закончится.

Осторожно спускаясь по лестнице, Ева, всегда сильная и независимая, высоко ценящая неприкосновенность собственной жизни, никогда прежде не чувствовала себя более уязвимой и одинокой.

– Приветствую, это Джейн. Чем я могу вам помочь?

Грифф поморщился. Он не мог поверить, что так занервничает перед разговором с Джейн Симпсон. В школьные деньки Джейн была дочерью пекаря Изумрудной бухты. С тех пор она вышла замуж за фермера и теперь занималась организацией встречи выпускников.

– Привет, Джейн. – Он нервно прочистил горло и сразу же разозлился на себя. – Это Грифф Флетчер. Я звоню по поводу выходных.

– Ах да! – Голос у Джейн был радостный. – Здорово разговаривать с тобой после стольких лет, Грифф. Надеюсь, ты сможешь приехать?

– Ну, я все еще пытаюсь разобраться, могу ли вписать встречу в мое расписание. Но мне любопытно, как складываются цифры?

– Все отлично! Пока что я насчитала тридцать пять участников, без учета их вторых половинок, – восторгалась Джейн. – Надеюсь, ты сможешь к нам присоединиться?

Со времени барбекю с Тимом и Барни Грифф все больше склонялся к тому, чтобы вернуться в бухту. И очень хотел расспросить о Еве. Мысль о том, чтобы столкнуться с ней перед всеми, с кем он знаком со школьной скамьи, портила картину. Между ними слишком много незавершенности. Без напряженности не обойдется.

Такой простой вопрос. Грифф не мог поверить, что так взволнован.

Нельзя сказать, что последние двадцать лет он провел в тягостных раздумьях о своей школьной возлюбленной. Многие отношения, в которых он состоял с тех пор, были сказочно страстными и серьезными.

По общему признанию, Грифф и его женщины рано или поздно остывали друг к другу. Большинство друзей и коллег уже связали себя узами брака и родили детей, а у него по-прежнему не было подобных планов. Он либо уставал от подруг, либо они уставали ждать от него предложения руки и сердца.

По крайней мере, они с Амандой все еще вместе. Пока.

Теперь он, наконец, решился на телефонный звонок. Каждый день в суде он сталкивался с преступниками, судьями и присяжными и гордился тем, что задавал интересные и личные вопросы. Ему не составит труда спросить Джейн Симпсон о Еве. Быстро, по делу. Проще простого.

– Наверное, – начал он, но остановился. На него нахлынули воспоминания об улыбке Евы. Бледность ее шеи, когда она склонялась над книгами во время урока. Свежий вкус ее поцелуев. Тонкое, гибкое тело. Так близко.

– Слышал ли что-нибудь о Еве? – спросила Джейн, милостиво остановив поток его мыслей.

В свое время она была одной из самых близких подруг Евы в школе, поэтому знала, что он и Ева когда-то были вместе.

Грифф ухватился за предложение.

– Нет, ничего не слышал уже много лет. Мы не общаемся. Она что, связалась с тобой?

– Да. Жаль, что она не придет. Очень жаль, но у нее дела.

Ну ладно. Зато теперь он все знает, даже спрашивать не пришлось. Грифф испытал одновременно и облегчение, и разочарование.

– Я совсем не удивлен.

– Нет, я уверена, Ева очень занята танцами. Как же здорово, что она стала такой знаменитой!

– Да, здорово.

– В любом случае, Грифф, дай мне знать, если решишь приехать. Будет весело. У тебя есть адрес моей электронной почты?

Джейн продиктовала адрес, Грифф записал. Он выждет несколько дней, потом сообщит, что согласен. А пока надо заглянуть к Тиму, дать ему знать, что он свободен и сможет вместе с ним и Барни вернуться в город, где прошла их юность. И если снова увидит Еву, уж точно не потеряет самообладания.

Ева сидела под красным навесом уличного кафе, сжимая в ладонях чашку вкуснейшего горячего шоколада и наблюдая за дождливым пейзажем Парижа. Через улицу виднелись огни еще одного кафе. Желтые маячки тепла в мрачный серый день.

Даже в дождь Париж прекрасен, однако впервые за много лет Ева чувствовала себя туристом, а не жителем. Она больше не сможет танцевать здесь. Все изменилось.

Она приехала в Париж работать, продолжить карьеру. До сих пор жила полноценной напряженной жизнью. Дни проходили в репетициях, растяжках, рекламных акциях, интервью, съемках и выступлениях.

Если потеряет все это, что она будет делать?

Ева не чувствовала такой печали с тех пор, как рассталась со своим русским бойфрендом Василием, тот бросил ее ради прекрасной блондинки из Нидерландов.

Восемь лет Ева любила красивого Василия Степанова и его греховное волшебное тело. Они танцевали вместе, жили вместе, она считала его своим партнером во всех смыслах. Ева научилась готовить любимые русские блюда Василия – борщ, блины, картофельный салат с солениями. Терпела его вспышки гнева. Даже училась его родному языку в надежде, что они поженятся, родят ребенка.

Расставание явилось вторым самым тяжелым уроком в ее жизни после другого страшного события в далеком прошлом. Правда, теперь ужасная новость о суставе оказалась для нее куда более серьезным ударом.

Потягивая шоколадный напиток и наблюдая, как мимо по мокрой улице проезжают автомобили, она жаждала солнечного света, вспоминая, что в Австралии солнце воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Потом она вспомнила пляж в Изумрудной бухте, песчаный берег и пенистые сине-белые волны.

Вдруг, словно из ниоткуда, в голове мелькнула мысль.

Она вернется домой в Австралию. На операцию.

Она может попросить у труппы отпуск. Пьер уже репетировал с новенькой Кларой «Щелкунчика», дублерша хорошо справлялась с ролью. Ева во всех смыслах оказалась бы свободна. От перспективы вернуться домой она расплылась в улыбке.

Она придумает какое-нибудь оправдание. В конце концов, они с мамой не виделись два года, а мама не становится моложе. Если ей сделают операцию в австралийской больнице, будет гораздо больше шансов избежать огласки, чем в одержимом балетом Париже.

Может быть, даже существует шанс вернуться в Париж посвежевшей и здоровой. Она читала об одной американской танцовщице, которая вновь смогла выступать после замены тазобедренного сустава. Правда, девушка была моложе Евы, но тем не менее эта история давала надежду.

«Кроме того, если вернуться в Австралию, можно съездить на встречу выпускников», – подумала Ева, допивая остатки шоколада. Джейн Симпсон говорила, что Грифф не определился, поэтому вряд ли они столкнутся лицом к лицу.

Ей хотелось бы узнать, как дела у остальных, пообщаться с людьми, которые жили обычной жизнью.

«Да, – решила она. – Надо поехать на эту встречу».

Как только в голове появилась эта мысль, Ева заволновалась. За этим последовала дрожь страха, едва она вспомнила о Гриффе, хотя и постаралась не задерживаться на нем.

Пришло время подумать о будущем, стать смелой и оптимистичной. Возможно, изгнать призраков прошлого.

Глава 2

Бухта сильно изменилась. Грифф и Тим были удивлены появлению новых пригородов и торговых центров, которые в их родном городе росли как грибы после дождя. Школа изменилась почти до неузнаваемости: администрация пристроила множество дополнительных помещений, включая большой новый спортзал и центр изобразительного искусства.

Ну, по крайней мере, хотя бы рыбный магазинчик выглядел так же, покрашенный в белый цвет с синей отделкой и с большими голубыми горшками, в которых росла красная герань. Море, небо и пляж тоже оставались столь же заманчивыми, как прежде, хотя вдоль набережной раскинулось множество крошечных кафе, а чтобы добраться до берега, им пришлось пройти через парк.

Приятеля вспоминали, как раньше на пути к пляжу кто-нибудь из них запутывался в длинных зарослях сорной травы, а теперь на этом месте были аккуратно проложены пешеходные дорожки.

Тем не менее друзья отлично провели день: падали с досок для серфинга, загорали, плавали и ныряли на прибрежных рифах.

Естественно, Грифф обрадовался тому, что все же удалось приехать. Приятно провести время с друзьями. С некоторых пор он не раз ловил себя на мысли, что слишком много времени проводит на одних и тех же обедах и концертах с теми же самыми заносчивыми людьми, чьи взгляды на политику не особенно оригинальны, да и шутки заезженные.

Теперь, когда солнце ушло на запад, озаряя небо ярким розовым румянцем, придающим морю оттенки золота, трио вернулось в отель принять душ и переодеться перед встречей.

Грифф, облачившийся в светлые брюки и белую рубашку с открытой горловиной и длинными рукавами, закатанными до локтей, проверил телефон, ожидая сообщения от Аманды, хотя они и разошлись. Она уже высказалась по поводу его «мальчишника». И конечно, они снова поссорились. Он обвинил ее в том, что она ему не доверяет. Она утверждала, что поверит ему, лишь когда на ее пальце засверкает кольцо. В конце концов ушла, хлопнув дверью, а на следующий день отправила за вещами такси.

К сожалению, она не первая его подруга, которая уходила подобным образом. Впрочем, Гриффу не хотелось думать о проблемах в личной жизни. После целого дня, посвященного солнцу, морю и дружбе, он чувствовал себя так, словно родился заново и хотел бы сохранить это ощущение подольше.

Три мушкетера прошли по широкой лужайке, простиравшейся у входа в гольф-клуб Изумрудной бухты. Грифф внезапно остановился, словно натолкнувшись на невидимую стеклянную преграду.

Он лишь краем глаза заметил на балконе миниатюрную темноволосую женщину, но сразу понял, что это Ева.

Черт, ее здесь быть не должно!

Она стояла на балконе в белом платье без рукавов, смеялась и болтала с остальными. Даже на расстоянии Грифф узнал ее. Никакая другая женщина не была такой стройной и подтянутой. И ни у какой другой женщины нет такой великолепной осанки, естественной элегантности.

Вот черт!

Теперь Грифф знал, что обманывает себя. Его уверенность, что при встрече с Евой он останется безразличным, оказалась ложной.

Он вернулся в прошлое, вспоминая все, что было между ними. Как он помогал ей подобрать очки для подводного плавания, а потом учил нырять, делал с ней домашнюю работу по

математике, танцевал с ней в школе. На ней было длинное шелковое платье цвета морской волны, оттенка ее глаз, рядом с ней он чувствовал себя принцем из сказки.

Он копил деньги на доску для серфинга, но потратил все накопленные карманные деньги на день рождения Евы, подарил ей подвеску с аквамаринном на серебряной цепочке.

– Что случилось, Грифф? – Голос Барни вторил его мыслям. Они с Тимом смотрели на него подозрительно.

– Ничего, – быстро ответил Грифф.

Парни нахмурились, пожали плечами и пошли дальше. Грифф, резко помрачневший, не отставал от них.

Вот черт! Ничего, он справится. Привык скрывать свои чувства. Он делал это каждый день в суде. Конечно, можно было сыграть роль старого друга, который за последние двадцать лет почти не вспоминал о бывшей однокласснице. Да, он стиснет зубы и все вытерпит. Подумаешь, какие-то выходные.

Джейн предупредила Еву о приезде Гриффа лишь в самую последнюю минуту. Причем это было даже не предупреждение. Она сообщила об этом с большим восторгом, уверенная, что Ева обрадуется.

К тому времени Ева уже прибыла в бухту и поселилась в мотеле, в уютной комнате с видом на океан, соответственно, путь к отступлению уже отрезан. Когда Джейн поделилась этой новостью, она улыбнулась через силу и притворилась довольной.

– Подруги с ним не будет, – добавила Джейн. Существование подруги стало хорошей новостью. Вероятность того, что Грифф все еще одинок и свободен, беспокоила Еву. А поскольку он состоит в стабильных отношениях, то и зла на нее не держит.

Ева убеждала себя, что волнуется зря. Прошло столько лет. Грифф, наверное, ее уже давно забыл. С чего бы ему интересоваться ею? После того как она покинула город, он окончил университет и вел уверенную борьбу в системе правосудия. Теперь Гриффин Флетчер очень влиятельный адвокат. Справедливость для всех. Такая высокая и благородная цель.

Без сомнения, он посмотрит на балерину, которая целыми днями кружится и совершает пируэты, и сочтет ее глупой, никчемной пустышкой.

По крайней мере, Ева смогла совладать с эмоциями на публике, а теперь, когда встреча выпускников в полном разгаре, беззаботно общалась со старыми школьными друзьями. Всем хотелось услышать о ее танцевальной карьере и жизни в Европе, но она старалась не афишировать лишние детали.

Ева была рада услышать об обычной жизни бухгалтеров и учителей, медсестер и фермеров, охотно смотрела фотографии их очаровательных детишек. Она как раз умилялась фотографии шестимесячных близнецов Роуз Гарднер, когда услышала взволнованный голос Джейн.

– О, привет, Барни, Тим. Привет, Грифф.

Грифф.

Несмотря на все усилия, сердце Евы затрепетало, словно пойманная в силочку птица. Желание увидеть его было слишком велико, и сопротивляться ему она не могла.

Она думала, что хорошо подготовилась к первой встрече, но через мгновение поняла, что это вздор. Она дрожала, как последний осенний лист на ветке.

Вот он. Человек, который будет выделяться в любой толпе. Наверное, не выше, чем раньше, но, конечно, шире в плечах и груди. Непослушные каштановые волосы, высокие скулы, кривоватый нос и квадратная челюсть. Все как раньше. Те же умные серые глаза, от которых невозможно спрятаться.

Гриффа Флетчера нельзя было назвать красавцем, но, несомненно, он очень мужествен. На щеках залегли складки, которых не было в восемнадцать, он потерял свою легкую мальчи-

пешскую улыбку и теперь напоминал гладиатора, готового к битве. Ева почувствовала, что сама вот-вот вспыхнет в языках пламени.

– Грифф, – тараторила Джейн. – Как приятно снова тебя видеть! Разве не замечательно, что Ева тоже смогла приехать.

Джейн с улыбкой повернулась к Еве и поманила ее.

– Я сказала Гриффу, что ты не придешь. – Она хихикнула, будто это была удачная шутка.

Ева увидела яростное пламя в глазах Гриффа. У нее сложилось впечатление, что он определенно остался бы дома, узнав, что она приедет на встречу.

Она отчаянно хотела убежать, но заставила себя выпрямиться и выдавить из себя улыбку. Стало легче, когда она перевела взгляд с Гриффа на бывших одноклассников, Тима и Барни.

Барни изрядно поправился и уже не мог похвастаться пышной гривой, зато его голубые глаза мерцали, а улыбка была искренней и приветливой.

– Привет, Ева, – обрадовался он. – Приятно тебя снова видеть. – Он пожал ее руку и поцеловал в щеку. – Мне нужно будет получить твой автограф для дочери Софи. Она только начала учиться балету.

– Как замечательно. Твоя Софи молодец. – Ева улыбнулась Барни. – Сколько у вас сейчас детей?

– Мальчик и девочка, и мы ждем третьего.

– Барни хочет собрать собственную футбольную команду, – прокомментировал Тим, посялав нахальную усмешку в сторону приятеля.

Ева рассмеялась:

– Надеюсь, жена твой план поддерживает, Барни.

Тим тоже чмокнул ее в щеку, сообщив, что работает в банке и у него с женой есть сын, двухлетний Сэм.

Наступила очередь Гриффа приветствовать Еву, и беззаботная атмосфера тут же сошла на нет, будто кто-то щелкнул выключателем. Внезапное напряжение стало ощутимо всем. Сердце Евы громко билось, она испугалась, что они услышат.

Грифф улыбнулся ей. Приветливой его улыбку не назовешь, однако случайным прохожим она, вероятно, показалась бы дружелюбной. Ева тем не менее отметила выражение его глаз. Холодное. Непостижимое. Вызывающее.

– Как у тебя дела, Ева? – Он слегка обнял ее и коснулся губами щеки. Ее кожа вспыхнула огнем, и она с трудом перевела дыхание, когда его большие руки коснулись ее обнаженных плеч, теплые и твердые. Потребовалось мгновение, чтобы оправиться и вспомнить, что надо ответить на простой вопрос.

– У меня все очень хорошо, спасибо, Грифф. – Слава богу, Ева умеет говорить спокойно, ведь в ее словах нет ни слова правды. Она чувствовала себя больной и испуганной. В конце концов, у нее есть тайна, которой она ни с кем не делится, надеясь, что так будет и впредь.

Ее бедра ныли в агонии. По глупости, в припадке тщеславия она надела высокие каблуки и теперь платила за это высокую цену. Взгляд серых глаз Гриффа задержался на ней. Ева снова затрепетала.

– А у тебя как дела? – с запозданием спросила она.

– Прекрасно, благодарю.

С условностями было покончено, и в воздухе повисла неловкая тишина. Тим и Барни обозревали свои ботинки, потом друг друга.

– Мы должны выпить, – предложил Тим.

– Конечно, – согласился Барни с явным энтузиазмом. Оба повернулись и направились к бару. Похоже, им не терпелось уйти. – Еще увидимся.

Грифф остался неподвижным, наблюдая за Евой с каменным выражением лица. Под его взглядом она чувствовала себя одним из тех преступников, которых он отправлял на скамью подсудимых. На этот раз ее лицо вспыхнуло, и она знала, что он это заметил.

– Ты не изменилась, – тихо отметил он.

Она покачала головой. Конечно, изменилась. Все они изменились – как снаружи, так и, без сомнения, внутри. Но она подыграла ему.

– И ты, Грифф. Ты тоже совсем не изменился. На этот раз улыбка почти коснулась его глаз.

Она спросила себя, собирается ли он сказать что-то примирительное. Было бы уместно, по крайней мере, поделиться несколькими любезностями, чтобы проложить мостик через пропасть долгих лет и безмолвия. И тайн.

– Слышал, ты добилась больших успехов. Теперь ты всемирно известна. Мои поздравления.

Получив эту похвалу от Гриффа таким ледяным тоном, она едва не заплакала. Но проглотила стоящий в горле ком, расправила плечи и подняла подбородок.

– Ты тоже очень успешен.

Он ответил едва заметным кивком и приподнятым краешком губ.

– Мы оба много работали.

– Да.

Люди вокруг них оживленно разговаривали, смеялись, пожимали друг другу руки и обнимались, но Еве ничего не лезло в голову.

– Если ты меня извинишь, Ева, я отправлюсь в бар и выпью.

– Конечно.

– Я уверен, мы снова встретимся в выходные.

– Я... да, обязательно.

Кивнув на прощание, он ушел, оставив ее со странным чувством. Будто она одна на сцене под ослепительным светом софитов, и все на нее смотрят. Она почти слышала музыку, сопровождающую партию «Умиряющего лебедя», печальные ноты одинокой виолончели.

О, ради бога. Ева моргнула и огляделась. Вечер был в полном разгаре. Балкон и большая столовая полны веселых людей, которые на нее даже не смотрели.

Она побродила по клубу, сжимая в руке бокал шампанского. Посмотрела на доску, к которой были прикреплены старые фотографии. Снимки класса, спортивных команд, школьной поездки на остров Фрейзер. Ева увидела себя в волейбольной команде, Гриффа и его друзей в полосатых футбольных майках и шортах. Еще на одной фотографии она в балетной пачке и пуантах выступает соло на школьном концерте.

Старые фотографии вызывали непрощенные воспоминания – школьная дискотека, когда они с Гриффом танцевали вместе первый раз, свидания, когда он возил ее на машине в кино и они целовались до боли в губах в пахнущей попкорном темноте, барбекю в день его восемнадцатилетия, костер на пляже. А потом...

– Не хотите ли что-нибудь съесть?

Ева обернулась. Совсем юная девушка предлагала ей канапе на подносе.

– Простутто кростини с сушеными вишнями и козьим сыром или картофельные кексы с копченым лососем, – перечисляла девушка.

Ева не была голодна, но взяла картофельный кекс. Все лучше, чем смотреть на фотографии. Ей даже удалось улыбнуться девушке, довольно, кстати, интересной, с темными волосами, подстриженными в модном асимметричном стиле. Нос у нее проколот серебряным гвоздиком, а в волосах пурпурные прядки, обрамляющие симпатичное личико в форме сердечка. Девушка ответила на улыбку.

– Возьмите салфетку, пригодится, – посоветовала она, кивнув на стопку.

– Спасибо.

Девушка смотрела на Еву, и в ее серых глазах было что-то интригующее, почти знакомое.

– Вы – Ева Хеннесси, – догадалась та. – Балерина.

– Да, все верно.

Глаза девушки загорелись.

– Вау! Вы живете в Париже, так ведь? Очень приятно познакомиться.

Ева улыбнулась, чувствуя себя спокойнее в знакомой атмосфере.

– Так здорово снова приехать в Австралию. А ты из бухты?

Девушка немного нервно рассмеялась:

– Вроде того. Но сейчас учусь в университете в Брисбене. – И тут она, должно быть, поняла, что слишком долго стоит на одном месте. – Я лучше пойду. – И она поспешила к соседней группе.

Вскоре Ева влилась в другую группу одноклассников, снова задавала дружеские вопросы или слушала рассказы об учителях, работе, детях, отпусках в Новой Зеландии или на Бали. Ей удавалось держаться в стороне от Гриффа, и она немного расслабилась. Если они с ним по обоюдному согласию будут подальше обходить друг друга, в конце концов вечер может выйти приятным.

Грифф чувствовал себя спокойнее, стоя в окружении одноклассников у бара. Половина его старой команды по регби пришла на встречу, и теперь парни взахлеб делились воспоминаниями о региональном турнире.

Однако все это время Грифф остро ощущал присутствие Евы, хотя она стояла в дальнем конце комнаты спиной к нему. Он сделал все возможное, чтобы перестать искать ее взглядом, но у него будто появился специальный радар, оповещающий о каждом ее передвижении.

– Не хотите ли что-нибудь, сэр? – спросила девушка, предлагая канапе.

– Спасибо. – Закуски выглядели аппетитно. Грифф улыбнулся. – Я возьму две штуки.

Девушка засмеялась, в ее глазах и улыбке промелькнуло что-то знакомое. На мгновение взгляд задержался на Гриффе, словно она изучала его. Чувство, обуревавшее его в тот момент, было тревожным, он даже приготовился что-то сказать, но она отошла к другим гостям и больше не смотрела на него. Он решил, что, должно быть, встреча с Евой вывела его из равновесия.

Ужин был подан, все устроились за длинными столами. Ева села со старыми подругами и их мужьями. Грифф нашел место за два стола от нее, почти вне поля зрения, и она делала все возможное, чтобы не стрелять глазами в его сторону. Дважды он поймал ее взгляд, оба раза выглядел сердитым, и она чувствовала, как ярко горят ее щеки.

– С тобой все в порядке, Ева? – спросила Джейн, которая сидела напротив.

– Да, конечно. – Ева чувствовала, что, скорее всего, пылает румянцем, и потянулась за своим бокалом. – Просто жарко.

Джейн сочувственно кивнула:

– Тебе, наверное, сложно переносить нашу жару после европейской прохлады?

– Да. Обычно мы забываем о жаре и просто помним прекрасный солнечный свет.

Остальные кивнули, соглашаясь, или вежливо рассмеялись.

Когда они покончили с главным блюдом, начались речи. Джонно Бриггс, который после школы стал профессиональным футболистом, рассказал забавную историю о том, как встретился с Барни в пабе Глазго. Отдали и дань уважения паре учителей, которые также пришли на встречу. Потом кому-то пришлось в голову поговорить о самых успешных одноклассниках, и Еву попросили встать среди прочих. Когда она несколько неохотно поднялась с места, раздались громкие аплодисменты.

– Сделай для нас пируэт, Ева! – крикнул Барни. Она внутренне содрогнулась, вспоминая, как любила хвастаться своим мастерством в школьные годы. Сколько раз на пляже выполняла арабески и прыжки со шпагатом.

– Я не могу.

– Да ладно, давай, – подначивал шутливый парень с дальнего стола.

– Увы. Мое платье слишком тесное.

Ответ был принят с добродушным смехом.

По крайней мере, не пришлось говорить о боли в бедре. Она предпочла бы, чтобы никто об этом не узнал.

Пришел черед десертов. Еву снова обслуживала девушка с фиолетовыми волосами, которая говорила с ней раньше. Она весело улыбнулась ей и хитро подмигнула, словно они были давними подругами.

Ева обычно старалась не есть десерты, вот и на этот раз тоже съела лишь половину крем-брюле. Все стали подниматься из-за стола и собираться в группы. На одном конце бара была кофемашина, и Ева взяла чашку.

– Мы должны поговорить, – раздался глубокий голос за ее плечом.

Голос Гриффа. Ева чуть не пролила кофе.

Выражение его лица было серьезным. Можно было предположить, что он собирается узнать, почему она уехала. Попытается ли он раскрыть ее секрет?

Ева задрожала от ужаса.

– О чем ты хотел поговорить?

Улыбка Гриффа сказала ей, что сейчас не время шутить.

– Думается мне, мы оба выиграем от откровенного разговора. Давай выйдем на улицу. Кофе можешь взять с собой.

Ева и без того страдала от боли в бедре, а тут еще и высокие каблуки. Ей точно не донести чашку с горячим напитком.

– Я бы предпочла выпить его здесь.

Его выражение оставалось невозмутимым.

– Как хочешь. Нам некуда спешить.

Пытаясь подавить нервозность, она силилась выдавить из себя улыбку.

– Двадцать лет-то уже прошло. Куда бы ты хотел пойти?

Он кивнул в сторону стеклянных дверей, которые вели к другому балкону, поменьше.

– Там нас никто не потревожит.

Наедине с Гриффом. Отлично. С того момента, как решила вернуться в бухту, Ева знала, что этой встречи не избежать.

Когда он открыл перед ней дверь, она очутилась на балконе, освещенном лишь светом луны. Они стояли лицом к морю, бриз доносил до них шквал соленых брызг. Луна сияла над прибоем, бросая свет на серебристый завиток волн и белую пену.

Ева схватилась за балконную решетку, благодарная за опору. Теперь, при свете луны, Грифф казался даже выше.

– Итак. – Она смело взглянула ему в лицо. – Что бы ты хотел обсудить?

– Я думаю, ты и сама знаешь, Ева. Возможно, надеешься, что через двадцать лет я даже не заметил, как мы расстались, а я хотел бы знать, почему ты вдруг уехала из города, ничего мне не сказав.

Ева кивнула, глубоко вздохнув. Конечно, она догадалась, о чем он намерен спросить, и знала, что должна сказать ему правду. Если бы это было так просто! В молодости они могли говорить бесконечно, делились всеми своими тайнами. Ну, или почти всеми. Только вот прежнюю легкость и откровенность уже не вернуть. И теперь они практически незнакомцы.

У нее возникло искушение сослаться на мать в качестве оправдания, но это было бы трусостью. Хотя уехать тайком предложила именно мать.

«Я тебя понимаю, Ева, – сказала она в ту роковую ночь, когда они под покровом темноты покидали Изумрудную бухту. Ева плакала и просила разрешить ей увидеться с Гриффом. – Будь благоразумна, дорогая. Если ты постарайся объяснить, что мы собираемся сделать, расскажешь ему все. Он может предъявить свои требования, а это лишь все усложнит».

Ева попыталась возразить, но мать настояла. «Тебе нужно порвать с прошлым раз и навсегда. Ты должна думать о своей карьере. У тебя большое будущее, дорогая. Все так говорят – твой учитель, комиссия, судьи. Ты не можешь похоронить твой талант. Я тебе не позволю».

В глазах матери стояли слезы. Потенциальная карьера Евы была невероятно важна для нее. Она начала одевать Еву в балетную пачку, когда той было три года. Балетная карьера восемнадцатилетней Евы, вероятно, была Лиззи Хеннесси важнее, чем самой Еве.

Намного позже, набравшись опыта и повзрослев, Ева поняла, что ее бедная, одинокая мать отчаянно пыталась уберечь дочь от ошибки, которую совершила сама. Ева никогда не сомневалась в правоте матери. Словом, сделала то, что сделала. И карьера вознаградила ее тысячу раз.

Ветер взметнул волосы к лицу, Ева отвела их в сторону дрожащими пальцами.

– Мне стыдно, что мы уехали в такой спешке. Я всегда чувствовала себя виноватой.

– Ты была моей первой девушкой. И к тому же первой девушкой, которая меня бросила. – Он не выглядел агрессивным, больше походил на прежнего приветливого Гриффа. – Я признаю, мое самолюбие сильно пострадало.

Он подошел к перилам, встав рядом с ней и засунув руки в карманы. Ева могла видеть его профиль: широкий умный лоб, губы, которые когда-то пробовала на вкус с волнением и дерзостью.

– Я думал, что, должно быть, чем-то тебя огорчил. Мы оба были девственниками. В то время мне казалось, что ты этого хотела. Понимаю, ты была увлечена, но я часто задавался вопросом, не напугал ли я тебя.

– О, Гриф, никогда. – На глаза Евы навернулись слезы. – Дело не в этом, правда. А в том...

– Извините.

Они обернулись на голос. Это была та девушка – официантка с фиолетовыми прядками.

Может, ее послали за ними? Ева не могла определить, что чувствует – раздражение или облегчение.

– Что такое? – огрызнулся Грифф.

– Я надеялась поговорить с вами обоими. – Теперь девушка выглядела менее уверенной. На ней были белая рубашка и черная юбка, и еще она возилась с застежкой на талии.

Ева взглянула на Гриффа и увидела, что его глаза сузились.

– Ну? – нетерпеливо бросил он.

– Я хотела представиться. – В ее больших серых глазах можно было прочесть волнение. Или страх. – Понимаете. – Она подняла руки ладонями вверх в нервном беспомощном жесте. – Я ваша дочь.

Глава 3

Гриффу показалось, будто его сшибли с ног, вдавили в землю, и вот он лежит в канаве, побитый и потрепанный. Он в недоумении уставился на девушку. Конечно, он ослышался.

Их дочь? Тогда он использовал все меры предосторожности, правда, был неопытным и возбужденным. Чертовщина. Последовавшие события говорили сами за себя: быстрый отъезд, молчание Евы.

И вот двадцать лет спустя эта привлекательная молодая девушка, высокая и темноволосяя, с бледной кожей и блестящими серыми глазами, показалась ему неуловимо знакомой. Эмоции обрушились на него, как волна прибоя. Шок. Злость. Печаль. Сожаление. А потом еще и бушующая волна гнева.

Все это время, все эти годы Ева держала его ребенка в секрете? Однако беглый взгляд на нее показал, что она потрясена не меньше его. До глубины души. Она села на перила, белая, словно привидение, и дрожащая. И к сожалению, не отрицала слов незнакомки.

– Простите, я знаю, это, должно быть, огромный сюрприз для вас. Я это ожидала. Но я так хотела встретиться с вами обоими. Вот почему взялась за эту работу, как только услышала о встрече выпускников. Я была так взволнована, когда увидела список имен и поняла, что вы оба приедете.

Грифф потерял виски. Может ли эта девушка действительно быть соединением его и Евы генов? Жизнью, которую они создали?

Тысяча вопросов потребовала ответов, но он не был готов выказать перед девушкой свое полное невежество и в данный момент ответить на ее слова.

– Как тебя зовут? – спросила Ева, сжимая пальцами перила, будто лишь они держали ее в вертикальном положении.

– Лайне. Это имя мне дали вы, ведь так? Лайне Элизабет?

Слезы засияли в глазах Евы, когда она печально и медленно кивнула.

– Да. – Она одним слогом ответила на главный вопрос Гриффа.

– Сейчас я Лайне Темплтон. Или Летти, для самых близких друзей, потому что мои инициалы Л.Э.Т. Люди, которые меня удочерили – Темплтоны, – живут в Брисбене.

– И они рассказали тебе обо мне? – Ева бросила испуганный взгляд на Гриффа. – О нас? Лайне покачала головой:

– Нет, я не хотела их расстраивать, поэтому пошла в агентство по удочерению. Мне больше восемнадцати, так что я была вправе узнать имена моих родителей. – Ее взгляд был обращен на Гриффа. – Я изучаю юриспруденцию. Такое совпадение. Судя по тому, что я узнала из Интернета, вы – адвокат.

Гриффу казалось, будто он проглотил стекло. Он хотел проявить сочувствие по отношению к Еве, но оказался слишком занят собственными переживаниями.

Ева не должна была держать в тайне существование ребенка, его ребенка, нести это бремя в одиночку. Конечно, они были молоды, только что окончили школу, и оба лелеяли грандиозные карьерные амбиции, не планируя создавать семью. Он не был готов стать родителем, но его сильно задел отказ в возможности решить эту проблему самостоятельно, по крайней мере, принять хоть какое-то участие.

– Послушайте, я знаю, что свалилась как снег на голову. – Лайне, сделав шаг назад, внимательно посмотрела на Гриффа и Еву. – Я просто хотела представиться, но, полагаю, вам нужно время, чтобы все обдумать.

– Да, вот именно, – сказал ей Грифф гораздо строже, чем намеревался.

Она неловко улыбнулась.

– Прости, – пробормотала Ева дрожащими губами. – Я... я...

Ясно, она изо всех сил пыталась выговорить что-либо членораздельное.

Лайне подняла руку и застенчиво улыбнулась.

– Хорошо. Должно быть, я появилась не в самое удобное для вас время.

Грифф почувствовал, как в нем борются эмоции. В конце концов, это его дочь, а он только и смог ей сказать «Привет» и «До свидания». Но он слишком потрясен, чтобы думать.

– Послушай, это действительно очень неожиданно, – согласился он. – Может быть...

– Может быть, завтра? – подсказала Ева.

– Да, конечно, – согласилась Лайне. – Извините, если я вас расстроила. Я... я...

– Мы можем, по крайней мере, обменяться контактами завтра, – предложил Грифф. Кажется, Ева вот-вот рухнет без чувств.

– Спасибо, – сказала Лайне. – Тогда еще увидимся.

Она быстро развернулась и ушла через стеклянные двери. Ева открыла рот, будто хотела попрощаться, но не издала ни звука.

Грифф снова шагнул к Еве, разрываясь между желанием потрясти за плечи и отчаянным состраданием. Что чувствует мать, воссоединившаяся со своим ребенком после девятнадцати лет разлуки?

– С тобой все в порядке?

Ева покачала головой:

– Нет.

Она все еще цеплялась за перила, словно за спасательный плот. Понятно, ей нужно присесть, а ему поговорить с ней наедине.

– Не мог бы ты проводить меня в мотель? – попросила она, вторя его мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.